

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1990 г.

ПЕТРОВ В. В.

МЕТАФОРА: ОТ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
К КОГНИТИВНОМУ АНАЛИЗУ

Метафора в наши дни представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках лингвистики, но главным образом в психологии, когнитивной науке и теории искусственного интеллекта.

Современные исследования метафоры основываются на одной фундаментальной идее, идущей еще от Аристотеля, — идее метафорического переноса. Как хорошо известно, Аристотель утверждал, что метафора — это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Детализация этой идеи — что и как переносится — лежит в основе многочисленных подходов к метафоре.

В данном обзоре выделяются два принципиально различных направления — семантическое и когнитивное, представленные в основном на материале зарубежной литературы. С позиций первого, механизм и результат переноса хорошо описываются посредством концепции значения. В рамках второго — основную роль играет «знание». В отдельное направление выделены работы по психологическим аспектам обработки метафор. Их значимость подчеркивается современным требованием обязательной психологической «верификации». По сути дела, вопрос о приоритете или приемлемости той или иной концепции метафоры решается сегодня в сфере психологии. Указанные подходы и составляют основное содержание настоящего обзора. Вне его рамок остались важные лексико-семантические аспекты анализа метафоры, ее типология и некоторые другие вопросы, достаточно подробно освещенные в нашей литературе [1—3].

Семантический уровень представления метафоры

Активное⁷ исследование семантики метафоры берет свое начало с работ М. Блэка, признанных в настоящее время классическими. Не останавливаясь подробно на их анализе — этому за четверть века посвящена огромная литература [4, 5] — выделим основные идеи этого подхо-

да. Во-первых, М. Блэк конкретизировал идею метафорического переноса путем использования понятия «фильтрации» [6]. При образовании метафоры «А есть В» (в его известном примере «человек — волк») ассоциируемые общие места (associated commonplaces) *В* пропускаются через «фильтр» ассоциируемых общих мест *А*. В результате на первый план выносятся вполне определенные характеристики, в данном примере — жесткость и агрессивность. В более поздних работах М. Блэк предпочитает говорить не о «фильтрации», относительно которой было высказано немало критических замечаний, а о «проекции» некоторых характеристик *В* на *А*.

Другая важная особенность теории М. Блэка — упор на концепцию значения при описании модели метафорообразования. Хотя сам М. Блэк склонялся в большей степени к коннотативной, а не референциальной версии значения, многие его последователи предпочитали использовать язык референциальной концепции значений. И это было вполне естественно в научной атмосфере шестидесятых годов с ее приверженностью к логическому анализу, формалистским семантическим программам.

В соответствии со строго семантической точкой зрения образование метафоры обязательно предполагает изменение значения исходного выражения. Самый простой вариант — экстенсивное расширение значения слова или выражения до нового, метафорического значения. При этом утверждается, что одно и то же выражение может иметь два вида значения — буквальное и так называемое метафорическое, появляющееся в конкретных актах употребления. Несмотря на критику в течение многих лет [7], этот подход имеет и сегодня немало своих сторонников, особенно среди лингвистов, тяготеющих к «нестрогим» методам анализа [8].

Несколько иной позиции придерживается Дж. Серль [9], полагающий, что перенос семантического содержания в метафорических выражениях должен рассматриваться в рамках более общей модели выведения значения. Дж. Серль проводит разграничение между значением предложений самих по себе и тем реальным значением, которое вкладывает говорящий в высказывание. Именно «значение говорящего» отождествляется им с метафорическим значением. С его точки зрения, выделение принципов, объясняющих, каким образом, употребляя «*S* есть *R*», я полагаю в действительности, что «*S* есть *R*», достаточно для объяснения процесса метафорообразования.

Однако ни выявленные Дж. Серлем принципы, ни модифицированные версии концепции «фильтрации» не проясняют основной вопрос — на каком основании из множества характеристик *P* мы вычленим те характеристики *L*, которые проецируем на *S*? Другими словами, почему в примере Дж. Серля «Салли — глыба льда» из всех многочисленных свойств льда мы выбираем прежде всего его температурную характеристику? Конечный вывод Дж. Серля о том, что выбираются именно те *R*, которые повышают значимость определенных свойств *S*, не представляется убедительным из-за его неопределенности.

Как же действительно осуществляется метафорический перенос и каков механизм выделения проецируемых семантических характеристик? Ответ на эти вопросы в определяющей степени зависит от принимаемой теории значения. Анализ литературы, вышедшей в последние двадцать лет, приводит к однозначному выводу — на основе референциальных атомистических концепций значения нельзя построить удовлетворительную модель метафорического переноса. Гораздо более перспективными с этой точки зрения кажутся теории значения, опирающиеся на структурно-системное понимание природы естественного языка.

В этом плане интересным является подход Д. Ротбарта, с точки зрения которого в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты [10]. Д. Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные. Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятий. Например, семантическая постоянная слова «металл» — его способность взаимодействовать с кислотами. Семантические переменные передают несущественные свойства типа цвета, ковкости и т. д. С позиций Д. Ротбарта, необходимое условие успешности метафорического переноса — участие семантических постоянных. В случае же участия в переносе семантических переменных образуются, как правило, неудачные метафоры. Д. Ротбарт приводит следующий пример — австралийские аборигены, впервые увидев книгу, назвали ее «раковиной» на основании того, что книга, как и раковина, открывается и закрывается. Очевидно, что выражение «Книга — раковина» было образовано путем переноса несущественной с нашей точки зрения переменной и поэтому явилось неудачной метафорой.

Однако эта неудача есть прежде всего следствие незнания австралийскими аборигенами книг и чтения как таковых. Поэтому, собственно, метафорического переноса и не было, а была только попытка введения посредством метафоры новой информации о неизвестном объекте. Принципиально иная ситуация имела место в процессе образования упомянутых выше метафор: «Человек — волк», «Салли — глыба льда». Большинство людей хорошо известны все те существенные и несущественные характеристики, относительно которых делались утверждения в этих метафорах. Проблема состояла в отборе из P проецируемых характеристик R и в конечном счете в повышении значимости определенных характеристик S . Гораздо сложнее оказывается механизм метафорического переноса в тех ситуациях, когда об S слушателю известно очень мало или практически ничего. Здесь не может идти и речи о повышении значимости определенных характеристик S , поскольку неясно, какие вообще S имеет характеристики, как это и было, например, с австралийскими аборигенами.

Объяснение механизма образования такого рода метафор потребовало привлечения принципиально иной концепции значения — теории семантического поля. Ее истоки восходят еще к Ф. де Соссюру, утверждавшему, что значение слова в языке зависит от его смысловых отношений (типа антонимии, синонимии и т. д.) с другими словами. Крайне полезной оказалась и идея необходимости разделения уровня выражения и уровня содержания. Эти идеи Ф. де Соссюра послужили основой новых концепций метафорического значения, где место блэковского понятия «ассоциативные общие места» заняло «семантическое поле». В рамках данного подхода метафорический перенос стал рассматриваться как перенос от одного структурированного и взаимосвязанного в единое целое семантического поля к другому полю.

Согласно Е. Киттей — автору одной из последних фундаментальных работ по теории метафоры, — объяснение механизма метафорического переноса предполагает выделение трех типов полей: лексического, семантического и содержательного [11]. Основу лексического поля составляет неинтерпретированный набор лексических единиц. Этот набор образует поле в том случае, когда мы можем выделить в нем контрастивные отношения и отношения сходства. Например, лексические единицы «холодный», «теплый», «горячий» объединены в лексическое поле, характеризующееся отношением градуированной антонимии.

Содержательная область (content domain) — область, которая определяет интерпретацию элементов лексического поля. К ней относятся различные виды человеческой деятельности, социальные отношения, цвета и многое другое. Содержательная область первоначально идентифицируется в виде определенной неструктурированной области (континуума), как это было, например, с явлениями магнетизма и электричества, известными с давних времен. Только спецификация содержательной области, осуществляемая посредством наложения соответствующих лексических полей с их контрастивными отношениями и отношениями сходства, обеспечила научное понимание этих явлений. Подобным же образом только тогда, когда мы используем лексическое поле «холодный — теплый — горячий», возможно получить количественную информацию о степени различий тепловых состояний. Именно спецификация содержательных областей дает точную научную информацию.

Семантические поля представляют собой множества лексических единиц вместе с соответствующими содержательными областями. Если существует изоморфизм между двумя лексическими полями, относящимися к одной и той же содержательной области, то они определяют одно и то же семантическое поле. Элементами последних являются слова, соотносимые друг с другом в пределах поля с помощью следующих отношений — простых контрастивных множеств (*сестра, брат*), упорядоченных контрастивных множеств (*понедельник, вторник, среда...*), парадигматических отношений сходства, парадигматических контрастивных отношений, синтагматических отношений и т. д. Введение сложной системы отношений внутри семантического поля позволило Е. Киттей описать те аспекты семантических изменений, которые не могли быть выражены в атомистической концепции значения.

Каким же образом на основе концепции значения как семантического поля можно объяснить метафорический перенос? Здесь так же, как и ранее, следует различать два типа ситуаций. В рамках первой речь идет о переносе из одного структурированного семантического поля в другое структурированное поле. В примере Е. Киттей образование метафорического выражения «hot player» есть следствие переноса отношений семантического поля понятия «температура» на содержательную область понятия «игрока в баскетбол». В результате переноса усилилась значимость таких содержательных характеристик, как активность, бескомпромиссность, и параллельно произошла реорганизация семантического поля с соответствующим изменением значения. В какой-то степени этот процесс подобен процедуре «проекции» в духе позднего М. Блэка. Их различие в том, что, во-первых, в концепции семантического поля перенос идет не на одном, а на двух уровнях — семантическом и содержательном — и, во-вторых, взаимодействие семантических компонентов метафорического выражения происходит опосредованно через структурирование содержательной области.

Новизна обсуждаемого подхода гораздо более очевидна в ситуациях образования метафор типа «Книга — это раковина». В этом случае, когда имеется только одно структурированное семантическое поле и неструктурированная содержательная область, отношения семантического поля накладываются на содержательную область, структурируя последнюю. Именно так, в частности, Е. Киттей объясняет образование понятия «электрический ток», когда хорошо известное понятие «ток» было применено к малозвестному, неструктурированному явлению электричества. Таким образом, когнитивная значимость метафор определяется их способ-

ностью переструктурирования или вообще введением каких-либо структур в новые содержательные области. И в том, и в другом случае это ведет к реорганизации семантического поля и в конечном счете к сдвигу в значении.

И все же несмотря на то, что концепция семантического поля существенно прояснила сам механизм метафорического переноса, неясно, как происходит выбор проецируемых характеристик. Очевидно, что понятия, образующие метафорическое выражение, должны относиться к различным семантическим полям. Ясно также, что в основе отбора и дальнейшего согласования характеристик лежит их сходство. Но каким образом безошибочно и, главное, в крайне ограниченное время можно фиксировать это неуловимое сходство? На эти вопросы концепция семантического поля не дает удовлетворительного ответа.

Когнитивный анализ метафорического переноса

Интерес к метафоре со стороны когнитивной науки связан с ее представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. По мнению многих сторонников когнитивного подхода, главную роль в наших повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. В основе последней — перенос знаний из одной содержательной области в другую. И с этой точки зрения метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов.

Рассмотрим с этих позиций метафору Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Инфляция — это война» [12]. В чем полезность этой метафоры? Широкому кругу читателей еще недостаточно известна природа инфляции как экономического явления, причины, следствия и способы борьбы с ней. Поэтому метафора используется здесь для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации.

Представление инфляции как «врага» позволяет адресату привлечь имеющиеся знания об известных ему ситуациях «столкновения с противником». Поэтому становится понятным — для того, чтобы «победить инфляцию», мы должны «мобилизовать все силы», «перейти в наступление», «перехватить, пока не поздно, инициативу» и т. д. Короче говоря, либо мы «разгромим инфляцию», «либо потерпим сокрушительное поражение».

Таким образом, все выводы относительно того, как следует поступать в случае инфляции, структурируются исходной метафорой. Очевидно, что разные метафоры дадут различающиеся наборы выводов: метафора «инфляция — это болезнь» иным образом структурирует исходную область. Здесь экономика оказывается «больным», а инфляция — «болезнью», которая должна быть изгнана с помощью «врача» (специалиста по экономике) и соответствующих «лечебных средств и процедур» (антиинфляционных мер).

Для того, чтобы отобрать из известной области полезную для понимания новой области информацию, необходимо установить, какие из аспектов известной области останутся при переносе инвариантными, а какие вообще будут проигнорированы. Как мы видели из приведенных примеров, инвариантными сохранились аспекты, связанные с планированием и целеполаганием. Проведенные Дж. Карбонеллом эмпирические исследования показали, что в процессе метафорического переноса инвариантными редко

остаются конкретные элементы и характеристики, гораздо чаще — схемы и правила вывода [13, 14]. Регулярности, наблюдаемые на большом массиве метафор, были обобщены Дж. Карбонеллом в виде нормативной иерархии инвариантности. Концептуальные отношения в приведенном ниже перечне следуют в порядке убывания ожидаемой инвариантности:

1. Совокупность целей, стоящих перед субъектами. Цели, если они присутствуют в исходной области, почти всегда инвариантно переносятся на новые области. Если исходная область включает субъекты, а в новой их нет, то цели переносятся на персонифицированные сущности новой области. Так, в случае метафоры «Инфляция — это война» инфляция представляется в виде врага, с которым необходимо бороться до победы.

2. Стратегии планирования и контрольного планирования при противоборстве и сотрудничестве субъектов. Эти стратегии почти всегда переносятся в неизменном виде; они упорядочивают цели по приоритетам и помогают выбрать возможные средства для достижения отдельных целей. Очень часто основным достоинством метафоры оказывается то, что она позволяет целенаправленно планировать в условиях недостаточно знакомой ситуации.

3. Каузальные структуры. Если каузальная структура исходной области достаточно эксплицитна, то она обычно сохраняется при переносе. Например, лекарственные средства излечивают болезнь; соответственно, экономические меры «вылечат» инфляцию.

Среди других типов отношений, которые гораздо реже сохраняются инвариантными при метафорическом переносе, Дж. Карбонелл выделяет: функциональные атрибуты, порядок следования во времени, естественные тенденции, социальные роли, структурные отношения, конкретные характеристики, конкретные объекты.

Предложенная Дж. Карбонеллом когнитивная модель метафорического переноса позволила сформулировать принципы отбора переносимых характеристик в виде последовательной иерархии инвариантностей. Это — несомненно значительный результат, особенно в сравнении с семантическими моделями метафоры, где поиски таких закономерностей переноса не были столь удачными. Но есть одно допущение, которое облегчило задачу Дж. Карбонелла, — метафорический перенос в рамках когнитивной модели рассматривается только как перенос знаний, т. е. без учета «языкового оформления» самой метафоры.

Кроме того, следует учитывать, что подход Дж. Карбонелла предполагает перенос от одних четко структурированных областей знания к другим. При этом сам метафорический перенос рассматривается как одно из эффективных средств решения проблем вообще. Трудно не согласиться с таким подходом, быть может, за исключением того, что мы далеко не всегда воспринимаем реальность в виде четко структурированных проблем, предполагающих оптимальные стратегии решения. И, следовательно, метафорический перенос в таких «идеальных» условиях, которые формулирует Дж. Карбонелл, — не единственный тип переноса, где может быть полезна метафора.

Модель Дж. Карбонелла не включает также и такой важный элемент метафорообразования, как представление структуры исходного метафорического выражения. В рамках семантической модели, опирающейся на концепцию значения, обсуждение именно этой проблемы выявило наибольшие трудности. С позиций когнитивного подхода данная проблема кажется гораздо менее значимой. Общепризнанная идея состоит в том, что между

метафорой и аналогией нет существенных различий, поскольку они выступают в качестве концептуальных средств, обеспечивающих перенос знаний. И поэтому результаты, полученные относительно внутренней структуры аналогий, могут быть использованы и для представления структуры метафор.

В соответствии с одной из наиболее известных концепций [15, 16], позволяющей прояснить внутреннюю структуру метафоры, выделяются следующие характеристики аналогий: 1) определенность базовой системы — степень нашего знания исходной содержательной области. Предполагается, что чем глубже мы знаем исходную область, тем легче нам определить, какие отношения считать важными при переносе; 2) ясность — степень точности задания соответствия между сопоставляемыми областями; 3) насыщенность — число переносимых предикатов; 4) широта охвата.

Попытаемся сравнить на основе этих характеристик известную аналогию Резерфорда, сопоставляющего Солнечную систему с атомом водорода, с метафорой Борхеса «С ружьем на плече трамваи патрулируют проспекты». Подобно аналогии Резерфорда, метафора Борхеса является небуковальным сравнением, в ходе которого происходит частичное отождествление «трамвая» и «военного патруля». Определенность базовой системы кажется приблизительно одинаковой — и в том, и в другом случаях в качестве исходной содержательной области выступают хорошо известные нам сущности.

Однако имеются и отличия. Метафора Борхеса представляется гораздо более насыщенной, поскольку переносится в основном визуальные характеристики, а не чисто пропозициональное знание. Аналогия Резерфорда обладает большей степенью ясности, между ее содержательными областями имеет место взаимно-однозначное соответствие. В метафоре Борхеса уровень ясности заметно ниже — трудно понять, какие конкретно аспекты базовой системы участвуют в сравнении. В то же время широта охвата в метафоре кажется большей из-за активизируемой сети образно-ассоциативных представлений.

Идея В. Гертнера об аналоговом переносе как сопоставлении на основе определенных характеристик была развита в нескольких направлениях. Во-первых, была предложена формализованная версия семантического переноса [17], во-вторых, были проведены психологические эксперименты с целью выявления особенностей формирования метафор в детском возрасте [18]. Следует также отметить, что интерес к изучению механизма переноса знаний в последние годы резко усилился, поскольку эта проблема выдвигается в качестве одной из центральных в методологии приобретения знаний, обеспечивающей формирование базы данных экспертных систем.

Вместе с тем когнитивный подход к изучению метафоры имеет, кроме отмеченных ранее, и другие ограничения. Неясно, в частности, каким образом можно объяснить структурирование новых содержательных областей. Если в рамках концепции семантического поля такое структурирование осуществлялось путем наложения семантических отношений на еще неспецифицированную содержательную область, то с позиций аналогового переноса вообще неясно, как и посредством чего производится структурирование. Использование языка кажется единственно возможным способом структурирования новой реальности. Аналоговый перенос без участия языка, как правило, эффективен только для объяснения уже имевших место случаев переноса, т. е. по сути ретроспективно.

Наконец, следует отметить, что отождествление метафоры с аналогией

представляется достаточно сильным допущением. Такая интеллектуализация метафоры противоречит и нашей внутренней интуиции, выдающей в ней не только перенос знаний, но и тонкие образно-ассоциативные подбоя.

Понимание метафоры: психологические модели

Исследования в области психологии метафоры имеют давние традиции, однако устойчивый интерес к этой теме наблюдается лишь с начала семидесятых годов [19]. Можно выделить, на наш взгляд, две общие тенденции в анализе психологических аспектов метафоры. В рамках первой — основное внимание уделяется вопросу о том, как и благодаря чему мы понимаем метафору. Развивая идущее еще от Аристотеля понятие «сходства», психологи детализировали, каким образом адекватное восприятие метафоры может основываться на сходстве сопоставляемых содержательных областей. С этой целью было введено понятие «небуквального сходства», предложена геометрическая репрезентация сходства, а также выявлены такие дополнительные специфические характеристики метафоры, как асимметричность, неконгруэнтность, гиперболичность, прототипичность и т. д. [20–22].

Однако, как выяснилось позднее, сходство не может выступать в качестве специфического свойства метафоры, поскольку оно не характеризует ее однозначным образом. Осознание того факта, что сходство не может быть положено в основу механизма восприятия метафоры, привело к поиску новой исходной концепции. В этом качестве более перспективной была признана идея «переноса знаний» — идея, являющаяся по своей природе не психологической, а скорее когнитивной.

В рамках другой тенденции основное внимание уделялось созданию процессуальных психологических моделей интерпретации метафоры. В основе одной из первых психологических моделей такого рода — гипотеза о решающей роли буквального значения. Пафос этого подхода состоял в том, что интерпретация многих типов небуквального дискурса, включая косвенные просьбы, иронию, метафору, обязательно предполагает первоначальное установление буквального значения [23]. Соответственно, в этой модели выделяются три этапа в обработке небуквальных, метафорических выражений. На первом — устанавливается буквальное значение выражения; на втором — это значение сопоставляется с контекстом; и, наконец, на третьем, если имеется несоответствие между буквальным значением и контекстом, начинается поиск небуквального, метафорического значения. Таким образом, интерпретация метафор рассматривается в виде многоступенчатого семантического вывода.

Принятие указанной трехэтапной модели предполагает, что обработка метафор должна потребовать гораздо больше усилий и, следовательно, времени, чем интерпретация буквальных выражений. Ориентируясь на это предположение, Х. Кларк и П. Люси в середине семидесятых годов действительно получили экспериментальные данные, свидетельствующие о различии во времени обработки. Отсюда был сделан вывод об адекватности трехэтапной модели и решающей роли буквального значения в интерпретации метафор. Однако в ходе дальнейших экспериментов эти выводы были подвергнуты существенной корректировке.

В исходных экспериментах Х. Кларка и П. Люси детально не исследовалась роль контекста при определении необходимого времени на обработку. Отсюда создалось впечатление, что именно небуквальность усложняет

интерпретацию. Между тем принципиально иные результаты были получены в экспериментах, где учитывалась роль лингвистического и экстралингвистического контекста. Оказалось, что при достаточной контекстуальной поддержке на обработку метафор уходит не больше времени, чем на обработку буквальных выражений [24].

Обсуждение этих экспериментальных данных привело к двум важным выводам. Во-первых, при обработке буквальных и небуквальных выражений действуют одни и те же или сходные психологические механизмы. Имеющиеся различия во времени обработки связываются не с типом выражений, а с объемом привлекаемых знаний. Какова же при этом роль контекста? Представляется, что он выступает в качестве своеобразного ограничителя в процессе метафорического переноса, резко сужая область возможных семантических характеристик.

Другой важный вывод заключается в том, что интерпретация многих метафорических выражений осуществляется не в виде трехэтапной модели, а непосредственно. Как пишет Р. Гиббе, «установление буквального значения не является обязательным этапом в понимании и не может служить главной отправной точкой в теории понимания естественного языка» [25].

В ряде психолингвистических работ было показано, что слушающие далеко не всегда строят особый уровень синтаксического описания перед тем как перейти к обработке семантической информации. Точно так же часто используется прагматическая информация на самых ранних стадиях обработки языка без построения перед этим полного семантического представления выражений. Поэтому вряд ли есть смысл проводить в рамках психологической теории различие между буквальным и небуквальным, между семантикой и прагматикой. Все это свидетельствует в конечном счете о том, что опора на концепцию значения в психологическом плане имеет под собой шаткие основания.

Вряд ли эта оценка может измениться, если даже мы будем рассматривать значение с позиций теории семантического поля. Неясно, каким образом в условиях реального жестко ограниченного времени мы оказываемся способны осуществить множество операций между лексическими, семантическими полями и содержательными областями, учесть ограничивающие факторы и сопутствующие обстоятельства? Каким бы строгим ни выглядел в рамках концепции семантического поля механизм метафорического переноса, все же с психологической точки зрения остаются большие сомнения в том, что именно так это и происходит.

В итоге можно констатировать, что существует значительное несоответствие между предложенными теоретическими моделями метафоры и тем, как последние обрабатываются в действительности. Устранение этого несоответствия, видимо, следует искать как на пути проведения более широкой серии психологических экспериментов, так и посредством более глубоких теоретических исследований, выходящих за традиционные рамки.

Особое место в психологических исследованиях метафоры занимает подход, сторонники которого рассматривают метафору как нерасторжимое единство вербального и образно-ассоциативного. Так, с точки зрения А. Паивино, метафора есть результат взаимодействия образной и вербальной систем [26, 27]. Если образная система имеет дело с информацией о конкретных объектах и сущностях, организуя перцептуальную реальность, то вербальная — интегрирует дискретные лингвистические данные в структуры знаний более высокого порядка. Если первая объясняет гештальтную природу метафоры то вторая — роль языковой компетенции в ее интерпретации.

Предложенную А. Паивию концепцию «двойного кодирования» (dual coding) скорее можно рассматривать в качестве гипотезы, нежели тщательно разработанной теории, — она ставит больше вопросов, чем отвечает на них. В частности, неясен конкретный механизм взаимодействия языковых и ментальных структур, способы организации и трансформации перцептуальных образов и многое другое [28]. Вместе с тем, учитывая возрастающий интерес к известным особенностям функционирования правого и левого полушария и к той новой когнитивной архитектуре, которая формируется на базе нейробиологии, следует признать несомненную перспективность исследований метафоры в этом направлении.

Концептуальные основания метафоры

Анализ текущего состояния исследований метафоры свидетельствует о наличии гораздо большего числа конкурирующих и несоизмеримых между собой теорий, чем бесспорных результатов и выводов. Нет единства ни по вопросу механизма метафорического переноса, ни относительно критериев выделения проецируемых семантических характеристик. Неясно также, возможно ли объяснить метафорический перенос, не привлекая в качестве центральной концепцию значения. Наконец, невыясненной остается наиболее фундаментальная проблема — является ли метафора языковым, дискурсивным или концептуальным образованием? От того или иного решения последнего вопроса зависят и наше представление процессов метафорообразования, и понимание подлинной роли метафор в человеческом познании.

До настоящего времени доминирующей в современной литературе остается точка зрения на метафору как на языковое явление. Развитие когнитивных и психологических методов анализа метафоры способствовало модификации указанной точки зрения, но, тем не менее, упор на концепцию значения остался неизменным. Е. Киттей в упомянутой выше книге пишет, что понять концептуальную и когнитивную силу метафор мы можем только через метафорическое значение.

Е. Киттей разделяет мнение Дж. Лакоффа и М. Джонсона относительно того, что метафоры присутствуют не только в языке, но и в музыке, танцах, действиях и т. д. Однако она делает одно принципиальное дополнение. С ее точки зрения, разделяемой многими, в том числе и лингвистами, только язык структурирует и организует концептуальную (ментальную) систему человека. Именно язык выступает в качестве наиболее сложной и гибкой репрезентативной системы. Поэтому изучение любых характеристик метафоры возможно через язык и значение.

Позиция Е. Киттей поддерживается мощной тенденцией в философии сознания (philosophy of mind), сторонники которой полагают, что человеческие ментальные процессы могут быть структурированы только посредством естественного языка [29]. Однако еще в двадцатые годы были высказаны иные теоретические гипотезы, которые экспериментально подтвердились в самое последнее время. Полученные данные свидетельствуют о существенной роли культурной среды, предшествующего опыта (практических навыков) и телесной организации человека в структурировании ментальных процессов [30, 31]. Если это действительно так, то мы уже не можем относиться к естественному языку как единственному средству концептуальной организации мышления. И, следовательно, изучение языка не может дать нам всей необходимой информации о метафоре.

Таким образом, сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется еще более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально различных уровнях — пропозициональном и образно-ассоциативном. Трудность состоит в том, что объяснение процесса метафорообразования производится посредством соответствующих каждому уровню репрезентации моделей и понятий. Например, активно используемые в ходе семантического анализа понятия «фильтрации», «проецирования» и «фокусирования» не работают на образно-ассоциативном уровне представления метафоры.

Видимо, следует четко различать собственно метафорическое выражение и тот сложный вербально-образный комплекс, который сопутствует каждому языковому употреблению в процессе коммуникации. Хотя в одних случаях этот комплекс представлен более явно, например, в художественных текстах, а в других менее, в частности, в научных публикациях, он тем не менее присутствует. И сама процедура метафорического переноса осуществляется в рамках взаимодействия вербально-образных комплексов, а не только значений и семантических полей. Однако это уже принципиально новый этап в исследовании метафоры.

Итак, в результате более чем тридцатилетнего активного изучения метафоры мы имеем значительное число несоизмеримых и соперничающих между собой подходов. Они различаются как своими «дотеоретическими» базами данных, так и конечными целями. Нельзя сказать, что теперь мы хорошо понимаем, что такое метафора. Скорее мы гораздо сильнее сознаем глубину и фундаментальность этой проблемы. Несмотря на многочисленные исследования, остается еще слишком многое неясным и неизвестным. В общем, в этой золотой жиле — метафоре — осталось еще много самородков и самые крупные еще не найдены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
2. Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985.
3. Метафора в языке и речи. М., 1988.
4. Телия В. Н. Типы языковых значений. М., 1981.
5. Бессонова О. М. Очерк сравнительной теории метафоры // Научное знание. Новосибирск, 1987.
6. Black M. Models and metaphors. Ithaca, 1962.
7. Davidson D. What metaphors mean // Critical inquiry. 1978. № 5.
8. Eco V. Semiotics and the philosophy of language. Bloomington, 1984.
9. Searle I. Expression and meaning. Cambridge, 1979.
10. Rothbart D. Semantics of metaphor and the structure of Science // Philosophy of science. 1984. № 4.
11. Kittay E. Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure. Oxford., 1987.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
13. Carbonell J. Metaphor comprehension. Carnegie Mellon Univ., 1981.
14. Carbonell J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought. Cambridge, 1988.
15. Gentner D. Structure-mapping: A theoretical framework for Analogy // Cognitive science. 1983. № 2.
16. Gentner D., Toupin C. Systematicity and surface similarity in the development of analogy // Cognitive science. 1986. № 3.
17. Indurkha V. Constrained semantic transference: A formal Theory of Metaphors // Analogica. Palo Alto, 1988.
18. Gentner D. Metaphor as structure mapping: the relational shift // Child development. 1988. № 1.

19. *Verbrugge R., McCarrell N.* Metaphoric comprehension // *Cognitive psychology*. 1977. № 5.
20. *Ortony A. et al.* Salience, similes, and the asymmetry of similarity // *Journal of memory and language*. 1985. № 5.
21. *Tourangeau R., Sternberg R.* Aptness in metaphor // *Cognitive psychology*. 1981. № 1.
22. *Weiner E. A.* Knowledge representation approach to understanding metaphors // *Computational linguistics*. 1984. № 1.
23. *Clark H., Lucy P.* Understanding what is meant from what is said // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1975. № 3.
24. *Glicksberg S., Gildea P., Bookin H.* On understanding nonliteral speech: Can people ignore metaphors? // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1982. № 1.
25. *Gibbs R.* Literal meaning and psychological theory // *Cognitive science*. 1984. № 3. P. 289.
26. *Paivio A.* Psychological processes in the comprehension of metaphor // *Metaphor and thought*. Cambridge, 1979.
27. *Paivio A., Begg I.* Psychology of language. New Jersey, 1981.
28. *Honeck R., Kibler C.* Representation in cognitive psychological theories of figurative language // *The ubiquity of metaphor*. Amsterdam, 1985.
29. *Fodor J.* The language of thought. N. Y., 1975.
30. *Lakoff G.* Women, fire and dangerous things. Chicago, 1987.
31. *Johnson M.* The body in the mind: the bodily basis of reason and imagination. Chicago, 1987.